

Загидуллин И.К.

Мечети в общеимперском политико-правовом пространстве в последней трети XVIII – начале XX в. (Европейская часть России и Сибирь). (Тезисы доклада)

По нормативам традиционной исламской юриспруденции, Российская империя последней трети XVIII – начала XX в. для мусульман в вероисповедальном отношении во многом олицетворяла собой «обитель мира», где правоверные жили, исполняя нормы и правила своей религии, не взирая на немусульманский характер государства. Правда, степень реализации их религиозных прав зависела от времени присоединения к России и интеграции региона в общеимперское правовое поле. Веротерпимость предполагала, прежде всего, «непрепятствование удовлетворению религиозных нужд» российских подданных в семье и общине, богослужебных зданиях и религиозных учебных заведениях.

Сформированные в период воинствующей христианизации ключевые критерии устройства мечетей сохранились вплоть до падения самодержавия. Вследствие естественного прироста населения норматив махалли, введенный в 1744 г., превратился в своеобразного «регулятора» динамики численности исламских институтов. В результате численность мечетей в рассматриваемый период неуклонно увеличивалась. В начале XX в. данный норматив продолжал создавать проблемы в устройстве религиозно–обрядовой жизни малочисленным общинам.

В системе исламских институтов российское законодательство определило мечеть главным символом устройства легальной махалли, разрешая молитвенные собрания исключительно в храме, утверждая при мечети мусульманское духовенство и устраивая при них мектебе и медресе. Независимо от этого культовые здания традиционно выполняли функцию локального религиозно-духовного центра прихожан. Их статус наглядно демонстрировал правовое положение конкретной конфессии в государстве и являлся важным элементом в реализации гражданских прав подданных. Государственное регулирование организации и проведения общественной молитвы в мечетях традиционной общины произошло во второй четверти XIX в., в период правления Николая I. Разработка нормативной базы

функционирования исламских институтов осуществлялось хаотично, как решение возникавших частных вопросов, а реформирование всей системы духовного управления мусульман и других аспектов «исламского вопроса» по разным причинам откладывался. Комплексное изучение проблемы совершения мусульманской молитвы в Российской империи позволило выделить несколько ее аспектов.

Первый аспект — общественно–политическая сторона исламского ритуала обусловлена имперской идеологией самодержавия. В его основе лежит отношение государства к общественной молитве как к социальному явлению, консолидирующему мусульманское сообщество в духовном и социальном отношениях и отношение к мечети как к нехристианскому общественному центру. В условиях активной территориальной экспансии Российской империей земель мусульман международный фактор оказывал существенное влияние на реализацию религиозных прав российских подданных. Слабость нормативной базы и особенности начального этапа становления принципов правового государства определили политическую конъюнктуру важным рычагом регулирования «исламского вопроса», что наглядно проявилось в закреплении в 1857 г. в завуалированной форме в общеимперском законодательстве права участия русской православной церкви в вопросах исламского храмового строительства, отмененного в 1773 г. Екатериной II.

Главным образом посредством интеграции общественной молитвы в общеимперское политико–административное пространство происходило включение исламских институтов в российское поликонфессиональное сообщество.

Основные элементы массового воздействия самодержавия на титульное население через русскую церковь были распространены на махалли. Реализация правительственными кругами доктрины «официальной народности» в отношении мусульман производилась по схеме «самодержавие, веротерпимость и умма». Проводниками государственной идеологии с учетом исламской догматики на молитвенных собраниях должны были выступать мусульманские духовные лица. Совершение праздничного богослужения в честь семьи российского государя в храмах всех признаваемых в империи конфессий в XIX – начале XX в. носило

обязательно-принудительный характер, игнорирование которого воспринималось как нелояльность к существующему политическому строю.

Обновленческие процессы в стране начала XX в. не привели к пересмотру государственно-исламских отношений, однако способствовали повышению правовой грамотности подданных, усилению национального самосознания этнических меньшинств и содействовали формированию межконфессионального взаимопонимания среди прогрессивной части российского общества.

Второй аспект — общественно-социальный — разделял полномочия прихожан и органов власти в организации религиозно-обрядовой жизни. Предоставив прихожанам возможность выбора духовных лиц, возведения храма, определения статуса мечети и записав за ними в обязательство содержание мечети и духовенства, государство оставило за собой право определения необходимости организации общественной молитвы, назначения духовенства, проверки легитимности коллективного решения прихожан, выраженного в общественном приговоре, контроля технической и противопожарной безопасности в местах общественной молитвы, вовлекая в это и Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). Власть активно регламентировала начальный этап устройства махалли. Каждый шаг в дальнейшем устройстве религиозно-обрядовой жизни существующего прихода, связанный с избранием или низложением духовного лица, ремонта, перестройки, перевода мечети на другое место, согласовывался со светской и духовной властью.

ОМДС выступало перед центральными и местными органами власти защитником интересов российской уммы касательно вопросов расширения поля применения шариата в имперском социокультурном пространстве и создания условий для исполнения религиозных потребностей мусульман в стране. При решении ключевых вопросов религиозного быта мусульман правительство широко опиралось на мнение ОМДС, а также, начиная со второй половины XIX в., на российских востоковедов, совмещающих преподавательскую и исследовательскую деятельность с работой в центральных органах власти.

Третий аспект регулирования молитвенного ритуала был связан с устройством общественного здания. В государственно–исламских отношениях в сфере культового зодчества и строительства выделяются несколько этапов. На первом этапе, со времени официального разрешения легального существования мусульманских богослужebных зданий в Поволжье, Сибири и до 1828 г. включительно, правительство не обращало внимания на внешний облик мечетей и технический аспект их возведения. Второй этап (1829-1862 гг.) характеризовался принуждением мусульман Европейской части России и Сибири возводить мечети по «образцовым чертежам». На третьем этапе, совпавшем с отменой каких–либо архитектурных ограничений в гражданском строительстве, мусульмане получили полную свободу действий, сохранив право пользоваться «образцовыми проектами» 1843 г. Власти в строительно–техническом отношении постепенно унифицировали требования к возведению храмов различных конфессий как к публичным зданиям. При отсутствии каких–либо официальных критериев, учитывающих традиции мирового исламского монументального искусства, единственным ориентиром для архитекторов–чиновников становились правила строительства церквей, основанные на традициях христианского храмостроительства.

Реставрация действующих старинных мечетей считалась внутренним делом уммы. Вопросы сохранения и восстановления исламских исторических культовых памятников волновали прогрессивную русскую общественность, нежели чиновников.

Возведение мечети в градостроительной ситуации становилось результатом согласования комплекса вопросов, связанных с определением места застройки (центр или окраина, конфессиональный состав жителей квартала), безвозмездным выделением или приобретением земельного участка, разработкой проекта и постройки мечетей татарскими купцами и промышленниками, уполномоченными религиозной общины, с одной стороны, и зодчими, чиновниками местного строительного комитета и губернского (областного) правления, городской Думой, епархиальным начальством — с другой. В сельской местности архитектурный облик молитвенного здания определялся традициями народного зодчества, на которые определенное влияние оказывала практика возведения мечетей в городах.

Четвертый аспект — ритуально–общественный — был практически полностью в компетенции местного духовенства и ОМДС, проводившего экзамен будущих духовных лиц, курировавшего исполнение ими должностных обязанностей. Функционирование культовых зданий невозможно представить вне образовательной

и просветительской деятельности духовенства. Правительство контролировало совершение молитв в честь членов царствующего Дома, добивалось проведения санкционированных молитвенных собраний под руководством «указных мулл». Имамы–хатибы на минбаре имели трибуну для воздействия на религиозно-нравственное и гражданское сознание прихожан. Причты всех признаваемых в России религий играли важную роль в закреплении в общественном сознании полиэтнического населения империи законопослушности самодержавию.